
Правовая психология в системе действия права

Сорокин В.В., доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (sorokin.v.v@yandex.ru)

Существование правовой психологии делает актуальной проблему соотношения духа права и буквы закона. Автор статьи использует духовно-нравственный подход, при помощи которого преодолеваются формализм и недостатки материалистического видения права. Когда утверждают, что право способно регулировать лишь то, что поддается контролю извне, допускают существенную ошибку, ведь регулирующее воздействие права объективно и не зависит от того, замечаем мы его последствия или нет. Правовая психология «работает» во внутреннем мире индивида, невзирая на возможности внешней фиксации данного процесса. В правотворчестве субъекты выражают правовую психологию общества и в том числе себя самих. Весь арсенал юридической техники сформирован так, чтобы облегчить психологическое восприятие адресатами актов права. Потребность в толковании норм права и факт существования судебного усмотрения также делают правовую психологию востребованной. Правоотношение – не просто внешние физические действия – вступая в правоотношения, субъекты передают друг другу свое психологическое содержание. Все источники права отражают национальную психологию определенного народа. Применение института юридической ответственности сплошь пронизано психологическими аспектами.

Ключевые слова: правовая психология, действие права, свойства личности, саморегуляция, правовое стимулирование.

Для цитаты:

Сорокин В.В. Правовая психология в системе действия права. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 111-121. doi: 10.17759/psylaw.2019090108

For citation:

Sorokin V.V. Legal psychology in the system of law. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.111-121. doi: 10.17759/psylaw.2019090108

Правовая психология есть часть правовой реальности. Поэтому так важно понять механизм действия правовой психологии.

Право само по себе действует психологически и потому юридически должно, не пропущенное через психику своих адресатов, получает лишь формальное значение и не приобретает качества правового регулятора. Все дело в том, что объективный мир воздействует на людей не непосредственно и автоматически, а через его психическую деятельность [9, с. 111]. Право воздействует на внутренний мир человека, и человек отвечает всей целостностью своей психологии, всего мира психических явлений, что непременно должно быть принято во внимание при изучении правовой психологии.

Регулирующее свойство права состоит и в том, что оно выступает как психический фактор, оно действует психологически. Право способно выполнять регулятивную роль лишь тогда, когда оно воплощается в психологических структурах субъекта права и может влиять на внутренний мир человека. Правовая психология занимает важное место в системе действия права.

Действие норм права предполагает формирование образов или мысленных моделей поведения, не обладающих какими-либо физическими и химическими свойствами. Юридические нормы, хотя и запечатлеваются материальными средствами, но, по сути, являются психическими образованиями. Закон, мертвый в книгах, оживает в деяниях.

Но главное – в психологию каждого человека право заложено, а тем людям, которые в силу психического склада не готовы к бесконфликтной жизни, требуется дополнительно закон как нормативный акт. И возможности права в регулировании общественных отношений гораздо глубже, чем считается в рамках позитивистской юриспруденции – право способно оказывать воздействие на внутренний мир человека.

Юридические нормы имеют вид общего правила, а человеку в конечном счете требуется личное указание для индивидуального поведения в данном конкретном жизненном случае. Эту проблему только средствами юриспруденции не решить, нужно подключать потенциал нравственности и религии (или как закомуфлированно звучат теперь эти основы – необходимо актуализировать «духовно-нравственные» основания права). Психология человека нуждается в этих источниках просветления, очищения, возвышения.

Усилия правоведов должны быть направлены на раскрытие потенциальных возможностей права как способа реализации духовных устремлений человека. Право предполагает в каждом человеке наличие соответствующих душевных свойств и состояний. И в тех случаях, когда правовое регулирование оторвано от внутренних состояний духа человека, начинается вырождение правовой системы общества. Каждый человек – неповторимое явление. Отсюда всякая попытка формально, механически распространить действие права на людей убивает в них уважение к правопорядку.

Законы государства являются нижней гранью нравственного сознания, в свою очередь нравственность народа выступает нижней гранью религиозной веры. Б.А. Кистяковский отмечал, что «... нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа живут в слитном состоянии» [4, с. 137]. Но это важно для всякого народа, если он претендует на духовно оправданный образ жизни.

Любой закон, преследующий самые благие намерения законодателя, проходит проверку на соответствие психическому складу нации. Как бы ни были императивны требования закона, он по своей сути исключительно информативен, т.е. сообщает

требования, но не дает ни условий, ни силы к его исполнению. Именно в правовой психологии накапливается опыт правового разрешения неизвестных ранее ситуаций.

И римское право, при всех его достоинствах, было, по словам А.Ф. Лосева, не чем иным, как огромной рационалистической громадой, где живое чувство права заменилось беспощадной, свирепой логикой чуть ли не алгебраических уравнений юриспруденции [6, с. 13].

Вне ресурса правовой психологии регулятивные возможности закона сильно ограничены. Потенциал правовой психологии обуславливает разграничение между правом и законом. Право сформировано объективно в соответствии с психологической природой человека, а закон – результат субъективной правотворческой деятельности людей. В основу права люди могут класть отнюдь не правовые идеи, тогда право отрывается от духовной и психологической природы человека и становится политизированным явлением.

В процессе правотворчества субъекты выражают правовую психологию общества и в том числе себя самих. Весь арсенал юридической техники сформирован так, чтобы облегчить психологическое восприятие адресатами актов права. Потребность в толковании норм права и факт существования судебского усмотрения также делают правовую психологию востребованной. Термины «клевета», «исключительный цинизм», «добросовестность», «здравый смысл», «уважительные причины» и многие другие, часто используемые в юриспруденции, оцениваются с позиций правовой психологии. Правоотношение – не просто внешние физические действия – вступая в правоотношения, субъекты передают друг другу свое психологическое содержание. Право присутствует в разной «дозировке» в различных формах – закона, прецедента, договора, но все источники права отражают национальную психологию определенного народа. Применение института юридической ответственности сплошь пронизано психологическими аспектами. Подсудимые нередко взывают к душевным качествам судьи, прося о милосердии, т.е. о применении принципа, который гораздо выше нормы любого закона, выше самой высокой справедливости. Суть проблемы различных типов правопонимания – раздробленное, нецелостное восприятие права учеными-исследователями. Это психологические противоречия самих ученых, этих противоречий изначально в природе права нет. Перечисленное свидетельствует о необходимости выхода из узких рамок привычного понимания права.

Гражданский кодекс РФ называет сделки с пороками воли (ст. 177 – 179 ГК РФ), употребляет категории разумности и добросовестности и пополнился институтом морального вреда. Семейный кодекс РФ установил ряд обстоятельств материально-правового характера, имеющих психологическое содержание: влияние поведения родителей на психическое состояние и развитие детей (ст. 65, 66, 68, 73, 76, 146 СК РФ), степень привязанности ребенка к родителям с учетом особенностей психического развития детей и их возраста, жестокое обращение с детьми (в том числе психологическое). Уголовный кодекс РФ дополнен термином «психические страдания» (ст. 117 УК РФ). В УК РФ упоминаются отставание в психическом развитии (ст. 20), психическое расстройство, не исключающее вменяемости (ст. 22), легкомыслие (ст. 26), несоответствие психологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ст. 28), причинение вреда в результате психического принуждения (ст. 40), преступление по мотиву сострадания (ст. 61), совершение преступления с особой жестокостью (ст. 63); при назначении наказания кодекс требует учитывать уровень психического развития несовершеннолетнего (ст. 89) и особенности личности виновного (ст. 60), в статьях 106 и

107 УК РФ указывается на психотравмирующую ситуацию. О.Д. Ситковская даже опубликовала специальный «Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» [14]. Министерство труда РФ в 1996 г. утвердило «Положение о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» [10]. В 1992 г. вступил в силу Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Такие примеры говорят о том, что необходимо объемное целостное восприятие права с учетом места и роли правовой психологии.

Принципиально важно признание того обстоятельства, что в системе действия права правовая психология проникает во внутренний психологический мир людей так глубоко, насколько это вообще возможно. Б.Н. Чичерин и его ученики, которых и в так называемый советский период было немало, настаивал, что право действует вне души человека [16, с. 511]. Право он называл определением внешней свободы, а внешняя свобода, по его словам, имеет дело именно с предметами, находящимися вне души. Все человеческие отношения он относил к плоскости материального мира. В качестве убедительного, по его мнению, аргумента он называл право собственности и спрашивал: «Имеет ли оно какой-нибудь смысл как чисто психический факт без отношения к элементам, находящимся вне души?» [16, с. 511]. С нашей точки зрения, право собственности как раз является удачным примером того, как важна расположенность души при целеполагании субъекта права, – алчный человек доводит право собственности до неутолимой жажды обладания ради самого обладания.

В.С. Соловьев высказывался столь же пессимистически, как и Б.Н. Чичерин: «Роль права велика и вместе с тем ограничена: оно должно создавать лишь внешние условия для торжества добра, т.е. гарантировать надежный правопорядок и воздвигать препятствия на пути наиболее опасных форм зла» [14, с. 257]. К.Д. Кавелин полагал, что право регулирует волю, а не мотив действия [3, с. 354]; право, по его мнению, одинаково наказывает противоправную волю независимо от того, что лежало в ее основании – моральный или эгоистический мотив. Из каких внутренних побуждений люди исполняют общественный закон, – до этого, по его мнению, нет никому никакого дела. «В душу человека общественный закон не заглядывает» [3, с. 469]. К.Д. Кавелин, как приверженец «передовых» для его времени теоретико-правовых воззрений, останавливал юриспруденцию на тех рубежах, где она должна продвигаться, углубляя правовое регулирование в сферу психологии субъектов права. Следуя рекомендациям В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина, советская юриспруденция озаботилась внешней лояльностью людей, но не надежностью скреп правопорядка.

В советский период В.Н. Кудрявцев отстаивал точку зрения, согласно которой: «Чистая» мыслительная деятельность человека, не выразившаяся ни в каком внешнем поведении, не регламентируется и не контролируется социалистическим правом. Конечно, правовая надстройка неизбежно влияет на психические процессы, хотя бы и не выражающиеся в конкретных поступках: человек осознает правовые требования, размышляет о них, так или иначе их оценивает, вырабатывает к ним свое отношение. Но все это, поскольку оно не выразилось во внешнем поведении, юридического значения не имеет. ... Право не в состоянии регламентировать и регулировать мышление человека и не должно стремиться это делать; правовые предписания действуют через сознание и волю, но регулируют не сами эти психические процессы, а их результаты – объективно совершенные поступки» [5, с. 79].

Говоря о том, что право регулирует результаты психических процессов – поступки, правоведы советской школы допускали лукавство, чтобы утвердить суждение К. Маркса о том, что «... помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом» [8, с. 14]. Право не регулирует результаты – они уже осуществлены, но как и любой другой регулятор формирует необходимые варианты поведения, что с необходимостью предполагает управление мотивацией субъекта, воздействие на его чувства, волю и ум. Сам В.Н. Кудрявцев в другой своей работе писал, что «... нормы морали обращены главным образом к субъективному миру личности; в них отражаются нравственные идеалы, ценностные ориентации и мотивы поведения. Нормы права предусматривают как внешнюю сторону поведения, так и внутреннюю» [5, с. 19]. Тем самым он, во-первых, противоречил сам себе и допускал в сферу правового регулирования внутренний мир человека, а во-вторых, явно отождествлял содержание права и морали, что по сути правильно, ибо сущность этих явлений (плюс религии) однородна.

Государство не в силах осудить субъекта права за его мысли – это неоспоримо. Но фактически верно и то, что душевная организация человека не всегда сохраняет его мысли в теоретическом поле, мысли влияют на волю, а воля переходит в поступки. Когда некий образ мыслей становится исключительно вредоносным, государство признает себя вынужденным его преследовать. Не столько мысли вредны, сколько те дела, к которым они приводят человека.

Правоведы подобной ориентации в качестве последнего аргумента приводят принцип ответственности только за внешне выраженный акт поведения, который прямо закреплен в отечественном законодательстве. Однако это всего лишь принцип и он актуален в рамках института юридической ответственности, а для всей сферы правового регулирования переключение внимания юристов с внутреннего мира человека на его внешнее поведение пагубно.

Серьезная опасность состоит в том, что между духовным ядром личности и поведением не устанавливается правильное отношение. Остановка внимания на поведении означает поверхностный взгляд на предмет, при котором считается, что целостная личность возникает из организации поведения. Все обстоит как раз наоборот. Характер поведения человека обуславливается свойствами его личности.

На Западе теория и практика разошлись давно и нарочно, а нам не следует искусственно сужать рамки действия права, выхолащивая психологическую составляющую юриспруденции. Известный отечественный психолог С.Л. Рубинштейн предупреждал: «Воспитательная работа, ограничивающаяся предъявлением определенных общественных требований, не учитывает, что выполнение извне предъявляемых требований легко может оказаться внешним их выполнением. Целью же должно быть не одно формальное соответствие внешнего поведения требованиям общества, не внешнее приспособление к ним; целью должно быть формирование у человека таких внутренних устремлений, отвечающих не букве, а духу моральных требований общества, из которых в порядке внутренней закономерности вытекало бы моральное поведение» [17, с. 185, 187 – 188.]. В этом, между прочим, состоит условие эффективности правового регулирования.

Государство, исповедующее доктрину внешней лояльности граждан, само не хочет, чтобы правовой порядок опирался на развитое правосознание общества и тогда ему ничего не остается кроме бдительности полицейских органов и тотальной регламентации отношений.

В теории права принято различать правовое регулирование (упорядочение) и правовое воздействие (влияние вне упорядочения). Но при всех теоретических конструкциях на сей счет право именно упорядочивает душевный мир человека, делая это по возможности в союзе с моралью и религией. Душа человека включается в предмет правового регулирования, поскольку право побуждает чувства, настраивает волю, информирует ум, т.е. управляет слагаемыми человеческой души. Группа ученых (Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.В. Шундилов и др.) доказали, что хотя правовое стимулирование и осуществляется не иначе, как на психологическом уровне, этот процесс включен в сферу именно правового регулирования, а не правового воздействия [7, с. 117 – 118].

Когда утверждают, что право способно регулировать лишь то, что поддается контролю извне, допускают существенную ошибку, ведь регулирующее воздействие права объективно и не зависит от того, замечаем мы его последствия или нет. Правовая психология «работает» во внутреннем мире индивида, невзирая на возможности внешней фиксации данного процесса.

Виновность субъекта определяется в конечном счете внутренним состоянием его души, а не внешним деянием, фактические и юридические признаки которого дают лишь основание начать предварительное следствие. Так, присяжные заседатели могут, признав, что внешнее правонарушающее деяние налицо и осуществлено оно именно подсудимым, признать его невиновность.

Государство не может удовлетворяться внешней формальной законопослушностью своих граждан, оно должно искать не наружной, а искренней доброты. В противном случае получается, что государство ведет лукавую политику и фактически делает ставку на маргинальное поведение своих граждан. Это только в тоталитарных государствах правовое поведение большинства граждан строится не на основе развитых внутренних правовых убеждений, а лишь на конформно-исполнительском или на вынужденном подчинении закону в силу боязни репрессий.

Советское общество, насильственно лишенное религиозных основ правовой системы, заведомо обрекло себя на суровое внешнее подавление всякого проступка, но тем не менее не могло ничего поделать с преступностью. Человеку не дано переделать весь мир, но он может изменить в лучшую сторону себя, и тогда вокруг этого человека спасутся десятки людей.

В трудах К.Д. Кавелина находим парадоксальное замечание на этот счет: «... чем совершеннее формы общественности и государственности, тем, казалось бы, должна полнее, цельнее, краше развиваться жизнь отдельного лица. Вышло наоборот: с успехами общественной жизни, личности бледнеют и как будто вырождаются. ...Человек, до виртуозности выработанный и выдрессированный с виду для жизни в обществе, может оказаться в то же время презреннейшим негодяем и мерзавцем» [2, с. 630, 968.].

Если в 1960 г. в Уголовном кодексе РСФСР в качестве цели наказания закреплялось «исправление и перевоспитание осужденных» (ст.20), то в 1996 г. в УК РФ появилась более осторожная формулировка: осталось только «исправление» (ст. 43). Тем самым отечественный законодатель сам признал, что никакие внешние меры воздействия на человека сами по себе не смогут его изменить, пока сам человек не переменит своего внутреннего состояния. Зло неуловимо для внешних мер.

Все правовые и политические учения направлены к тому, чтобы устроить жизнь с внешней стороны, – какие принять формы права, как достичь идеальной формы государства. Оценка человека исключительно со стороны его внешних проявлений без отношения к его внутреннему состоянию имеет крайне формальный характер. Проблема надежности правопорядка – в нас самих, а вернее, во внутренней способности каждого человека достичь личного умиротворения, которое было и остается первоосновой семейного, общественного и государственного спокойствия.

Ответ субъекта права на правовой стимул определяется не только характером стимула, но и уровнем душевного склада личности. Поэтому уровень правового порядка стоит в функциональной зависимости от нравственного уровня конкретного общества. С.Л. Франк сделал в свое время актуальный вывод: «Путь, приводящий к максимально эффективным и прочным результатам, есть путь изнутри наружу, от личной жизни к жизни общественной» [15, с. 225]. Из душевной целостности человеческих личностей составляется и нравственная целостность социума, и эта зависимость имеет непосредственное отношение к состоянию государственности.

Принцип «внутреннее важнее внешнего» всегда верен и поэтому требует учета в механизме правового регулирования. Внутренняя жизнь субъекта права стремится и должна проявиться вовне. Рано или поздно эта закономерность обнаруживается в событиях жизни каждого человека. Правовые поступки представляют собой закономерное выражение душевного склада человека. Зарубежный правовед П. Фресс упоминал закон «проявления личности в данной ситуации» [18, с. 35]. Ю.А. Шерковин еще в советский период отмечал, что «... поведение есть превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым объектам» [12, с. 181].

От соответствующего внутреннего устройства личности происходят конкретные действия субъектов права. Противоправность прежде всего закрепляется как навык в душевной организации человека, а уж затем воспроизводится в демонстративных действиях. Законами государства нельзя добиться того, чтобы все люди стали чистыми и добрыми. Никакой внешний, даже самый справедливый порядок не сделает людей счастливыми, пока не будет порядка в них самих. Устраивая свою душу, человек не только очищает себя изнутри, но и изменяет внешнее поведение. Развитое правовое сознание признает истинную цену лишь за таким исполнением юридических требований, которое сопровождается соответствующим внутренним настроением. Юридически значимые действия до такой степени связаны с внутренними мотивами, что без наличия последних они теряют всякий смысл. Беспристрастие судьи, если оно не проникнуто внутренним чувством, не только лишается своего значения, но и превращается в недостойное лицемерие.

И.А. Ильин отмечал: «Право только проявляется во внешнем мире, сфера его настоящей жизни, действия – внутренний мир человека (душа), где право выступает как объективная ценность. Если право имеет полноту бытия, то только через правосознание, т.е. через право-чувствование, право-воление, право-мышление и, наконец, право-деяние» [1, с. 373]. Л.И. Петражицкий пришел к выводу: «Право есть явление не внешнего, материального мира, как, например, камень, а явление духовного мира, психическое явление; поэтому с природой его непосредственно познакомиться мы только и можем в нашей душе, т.е. путем наблюдения, сравнения, анализа наших же собственных душевных состояний и движений» [11, с. 29].

Право, включающее в себя весь потенциал правовой психологии, открывает ресурс саморегуляции. По самому своему существу психическая работа человека над собой не нормативна, а саморегулятивна. Поэтому одним из методов правового действия является метод саморегуляции субъектов права, который раскрывает личностные способы управления психикой соотносительно с объективными и субъективными условиями деятельности.

В юридической литературе распространено определение законодательных норм как регуляторов поведения людей. Однако на личностном, собственно психологическом уровне нормы законов непосредственного регулятивного потенциала не несут. От восприятия норм конкретной личностью зависит общая эффективность системы правового регулирования.

Чтобы человек испытывал естественное спонтанное, не стесненное никаким внешним и внутренним сопротивлением, стремление к добру, он еще должен подняться на тот уровень ума, воли и чувства, который делает его личностью. Поэтому настоящая дисциплина есть прежде всего проявление внутренней свободы, т.е. самообладания и самоуправления. Дух располагает достаточными средствами, способными остановить воплощение замысла в поступок.

Таким образом, личностное совершенство оказывается более значительным, чем любые, включая даже и общественные, идеалы и системы. Именно в свете подлинного и личностного совершенства только и может быть оценена их ограниченная и относительная значимость.

Литература

1. Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003. 550 с.
2. Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 992 с.
3. Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 664 с.
4. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Правда, 1991. С. 122—149.
5. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
6. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н.э. М.: Мысль, 1979. 416 с.
7. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2007. 294 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 39 т. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974. Т. 1. 864 с.
9. Момов В. Норма и мотив поведения // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 107 – 117.

10. Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации: Постановление Минтруда РФ от 27.09.1996 № 1 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1996 № 10.
11. *Петражицкий Л.И.* Очерки философии права. Вып. 1. СПб.: Типолиитография Юделевича, 1900. 106 с.
12. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004. 720 с.
13. *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», 1999. 348 с.
14. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М.: Алгоритм, 2012. 656 с.
15. *Франк С.Л.* Духовные основы общества: Введение в социальную психологию. М.: Республика, 1992. 512 с.
16. *Чичерин Б.Н.* Избранные труды. СПб: Издательство СПбГУ, 1998. 560 с.
17. *Шерковин Ю.А.* Социальная психология. История, теория, эмперические исследования // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 165-167.
18. *Etzioni A.* The moral dimension. N.Y., 1988. 200 p.

Legal psychology in the system of law

Sorokin V. V., Doctor of law, Professor of the Department of theory and history of state and law, Altai state University (sorokin.v.v@yandex.ru)

The existence of legal psychology makes the actual problem of the relationship between the spirit of law and the letter of the law. The author uses a spiritual and moral approach, which overcomes the formalism and shortcomings of the materialistic vision of law. When it is argued that the law can regulate only what can be controlled from the outside, make a significant mistake, because the regulatory impact of the law objectively and does not depend on whether we notice its consequences or not. Legal psychology "works" in the inner world of the individual, despite the possibility of external fixation of the process. In law-making subjects Express the legal psychology of society, including themselves. The entire Arsenal of legal equipment is formed in such a way as to facilitate the psychological perception of the addressees of acts of law. The need to interpret the law and the existence of judicial discretion also make legal psychology relevant. Legal relationship – not just external physical actions-entering into legal relations, the subjects give each other their psychological content. All sources of law reflect the national psychology of a particular people. The application of the institution of legal responsibility is entirely permeated with psychological aspects.

Keywords: legal psychology, action of law, personality properties, self-regulation, legal stimulation.

References

1. Il'in I.A. Teoriya prava i gosudarstva [Theory of law and state]. M.: Zerkalo, 2003. 550 p.
2. Kavelin K.D. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 1. [Collected works: in 4 vol. 1]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 992 p.
3. Kavelin K.D. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 2 [Collected works: in 4 vol. Vol.2]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 664 p.
4. Kistyakovskij B.A. V zashchitu prava (Intelligenciya i pravosoznanie) [in defense of law (Intelligentsia and legal consciousness)] // *Vekhi: Sbornik statej o russoj intelligencii* [Milestones: Collection of articles about the Russian intelligentsia]. M.: Pravda, 1991. P. 122—149.
5. Kudryavcev V.N. Pravovoe povedenie: norma i patologiya [Legal behavior: norm and pathology]. M.: Nauka, 1982. 287 p.
6. Losev A.F. EHllinisticheski-rimskaya ehstetika I-II vv. n.eh [Hellenistic-Roman aesthetics of I-II centuries ad]. M.: Mysl', 1979. 416 p.
7. Mal'ko A.V., SHundikov K.V. Celi i sredstva v prave i pravovoj politike [Aims and means in law and legal policy]. Saratov, 2007. 294 p.

8. Marks K., EHngel's F. *Sobranie sochinenij: v 39 t* [Publishing house of political literature]. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955-1974. Vol. 1. 864 p.
9. Momov V. *Norma i motiv povedeniya* [the Norm and the motive behind the behavior] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1972. no. 8. p. 107 – 117.
10. *Ob utverzhdenii Polozheniya o professional'noj orientacii i psihologicheskoy podderzhke naseleniya v Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Mintruda RF ot 27.09.1996 № 1* [About the statement of Regulations on professional orientation and psychological support of the population in the Russian Federation: the Resolution of Ministry of labor of the Russian Federation of 27.09.1996 No. 1] // *Byulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti* [Bulletin of regulations of Federal Executive authorities]. 1996. no. 10.
11. Petrazhickij L.I. *Ocherki filosofii prava. Vyp. 1* [Essays on the philosophy of law. Issue. 1]. SPb.: Tipolitografiya YUdelevicha, 1900. 106 p.
12. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of General psychology]. Spb.: Piter, 2004. 720 p.
13. Sitkovskaya O.D. *Psihologicheskij kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [Psychological commentary to the Criminal code of the Russian Federation]. M.: YUridicheskaya firma «Kontrakt», 1999. 348 p.
14. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra* [the Justification of the good]. M.: Algoritm, 2012. 656 p.
15. Frank S.L. *Duhovnye osnovy obshchestva: Vvedenie v social'nuyu psihologiyu* [Spiritual foundations of society: Introduction to social psychology]. M.: Respublika, 1992. 512 p.
16. Chicherin B.N. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. SPb: Izdatel'stvo SPbGU, 1998. 560 p.
17. Sherkovin YU.A. *Social'naya psihologiya. Istoriya, teoriya, ehmpiricheskie issledovaniya* [Social psychology. History, theory, empirical research] // *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 1981. Vol. 2. no. 2. P. 165-167.
18. Etzioni A. *The moral dimension*. N.Y., 1988. 200 p.